

Андреева Надежда Николаевна

канд. пед. наук, доцент

БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования»

Министерства образования Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ПОЗИЦИЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Аннотация: в статье представлен контент-анализ публикаций С. Хмель, А. Датешидзе в социальных сетях. Целью анализа является содействие минимизации неоптимальных родительских позиций и активизации осознанного развития оптимальных позиций у современных родителей.

Ключевые слова: оптимальная родительская позиция, неоптимальная родительская позиция, адекватность, гибкость, прогностичность родительской позиции, гармоничные стили воспитания, эффективные стили воспитания, дисгармоничные стили воспитания, неэффективные стили родительского (семейного) воспитания, склонность ребёнка к раннему отклоняющемуся поведению, готовность подростка к девиантному поведению.

Семья является главным институтом воспитания, в которой закладываются основы личности ребёнка, оказывающие долговременное влияние на всю его последующую жизнь. Согласно теории транзакционного анализа Э. Берна жизненный сценарий или жизненный план ребёнка формируется «ещё в раннем детстве в основном под влиянием родителей» [1, с. 175] приблизительно в период с 2 до 5 лет. И «наилучшее обеспечение интересов ребёнка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его образование и обучение; эта ответственность лежит прежде всего на его родителях», как провозглашено в седьмом принципе «Декларации прав ребёнка» 20 ноября 1959 года.

В реальности в неблагополучных, дисфункциональных семьях, когда действия родителей выглядят, мягко говоря, непонятными или откровенно провокативными и деструктивными, неоптимальные родительские позиции усиливают проблемы детей в повседневной жизни. И, начиная со старшего дошкольного возраста в диапазоне от 5 до 8 лет, активизируют их раннее проблемное поведение, которое является отклоняющимся, ненадлежащим, ошибочным. К 12–13 годам и далее эти поведенческие проблемы могут перерасти в устойчивое девиантное поведение подростков, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм и ценностей, ожиданий и установок, распространённых правил и стереотипов поведения. Так, нарушения и расстройства поведения причиняют реальный ущерб обществу и самой личности, угрожают благополучию межличностных отношений и сопровождаются социально-психологической дезадаптацией. В подобных случаях семья является фактором риска, в которой воспитание детей имеет проблемный характер.

В отечественной психологии понятие «родительская позиция» описали Т.В. Архиреева, Т.В. Брагина, Е.Л. Пороцкая, Т.В. Снегирева, А.С. Спиваковская, А.А. Чекалина, О.В. Шапатина и другие исследователи. Жигалин С.С. определяет родительскую позицию как целостную систему отношений родителя: отношение к родительству, отношение к родительской роли, отношение к себе как родителю, отношение к ребёнку и отношение к воспитательной практике. Спиваковская А.С. раскрывает характеристики оптимальной и неоптимальной родительской позиции, подчёркивая, что оптимальная родительская позиция отвечает требованиям адекватности, гибкости и прогностичности [4, с. 65].

Адекватность родительской позиции – умение родителей видеть и понимать индивидуальность своего ребёнка, замечать изменения, происходящие в его душевном мире, быть чутким к нему и поддерживать его; выделяется в качестве основного признака эффективности родительских позиций и семейного воспитания. Гибкость родительской позиции – способность родителей менять и перестраивать воздействие на ребёнка по ходу его взросления и изменения условий жизни семьи. Отцам и матерям необходимо понимать, что эффектив-

ность семейного воспитания во многом зависит также от гибкости их родительских позиций, которая определяет меру свободы и самостоятельности растущей личности ребёнка, и соотносится с его индивидуально-психологическими, половозрастными, поколенческими, гендерными особенностями. При этом гибкая родительская позиция не только меняется в соответствии с изменениями ребёнка, она также является прогностичной и предвосхищающей. Прогностичная родительская позиция – это способность родителей предвосхитить, установить оптимальную дистанцию и выполнить требование независимого воспитания, что означает «не ребёнок ведёт за собой родителей, а наоборот, стиль общения опережает появление новых психических и личностных качеств детей».

В дисгармоничных семьях наблюдаются неоптимальные родительские позиции, изменённые по одному или по всем трём показателям: они неадекватны, утрачивают качества гибкости и становятся чрезмерно устойчивыми, неизменчивыми, непрогностичными. Как следствие, могут сформироваться такие негативные феномены, как склонность ребёнка к раннему отклоняющемуся поведению и готовность подростка к девиантному поведению.

Для контент-анализа текстов о современной семье, как факторе риска формирования отклоняющегося поведения у детей вследствие влияния на них неоптимальных родительских позиций, научный интерес представляют две публикации в социальных сетях: Светланы Хмель «Расслабьтесь! Как бы мы не старались, нашим детям все равно будет что рассказать психотерапевту» [6] и Аглаи Датешидзе «Письмо дочери» [2].

«Когда-нибудь у меня родится сын, и я сделаю всё наоборот. Буду ему с трёх лет твердить: «Милый! Ты не обязан становиться инженером. Ты не должен быть юристом. Это не важно, кем ты станешь, когда вырастешь. Хочешь быть патологоанатомом? На здоровье! Футбольным комментатором? Пожалуйста! Клоуном в торговом центре? Отличный выбор!» И в своё тридцатилетие он придёт ко мне, этот потный, лысеющий клоун с подтёками грима на лице, и скажет: «Мама! Мне тридцать лет! Я клоун в торговом центре! Ты такую жизнь для меня хотела? Чем ты думала, мама, когда говорила мне, что высшее образо-

вание не обязательно? Чего ты хотела, мама, когда разрешала мне вместо математики играть с пацанами?» А я скажу: «Милый, но я следовала за тобой во всём, я не хотела давить на тебя! Ты не любил математику, ты любил играть с младшими ребятами». А он скажет: «Я не знал, к чему это приведёт, я был ребёнком, я не мог ничего решать, а ты, ты, ты сломала мне жизнь» – и разотрёт грязным рукавом помаду по лицу. И тогда я встану, посмотрю на него внимательно и скажу: «Значит так. В мире есть два типа людей: одни живут, а вторые ищут виноватых. И если ты этого не понимаешь, значит, ты идиот». Он скажет «ах» и упадёт в обморок. На психотерапию потребуется примерно пять лет.

Или не так. Когда-нибудь у меня родится сын, и я сделаю всё наоборот. Буду ему с трёх лет твердить: «Не будь идиотом, Владик, думай о будущем. Учи математику, Владик, если не хочешь всю жизнь быть оператором колл-центра». И в своё тридцатилетие он придёт ко мне, этот потный, лысеющий программист с глубокими морщинами на лице, и скажет: «Мама! Мне тридцать лет. Я работаю в «Гугл». Я впахиваю двадцать часов в сутки, мама. У меня нет семьи. Чем ты думала, мама, когда говорила, что хорошая работа сделает меня счастливым? Чего ты добивалась, мама, когда заставляла меня учить математику?» А я скажу: «Дорогой, но я хотела, чтобы ты получил хорошее образование! Я хотела, чтобы у тебя были все возможности, дорогой». А он скажет: «А на хрена мне эти возможности, если я несчастен, мама? Я иду мимо клоунов в торговом центре и завидую им, мама. Они счастливы. Я мог бы быть на их месте, но ты, ты, ты сломала мне жизнь», – и потрёт пальцами переносицу под очками. И тогда я встану, посмотрю на него внимательно и скажу: «Значит так. В мире есть два типа людей: одни живут, а вторые всё время жалуются. И если ты этого не понимаешь, значит, ты идиот». Он скажет «ох» и упадёт в обморок. На психотерапию потребуется примерно пять лет.

Или по-другому. Когда-нибудь у меня родится сын, и я сделаю всё наоборот. Буду ему с трёх лет твердить: «Я тут не для того, чтобы что-то твердить. Я тут для того, чтобы тебя любить. Иди к папе, дорогой, спроси у него, я не хочу быть снова крайней». И в своё тридцатилетие он придёт ко мне, этот потный,

лысеющий режиссёр со среднерусской тоской в глазах, и скажет: «Мама! Мне тридцать лет. Я уже тридцать лет пытаюсь добиться твоего внимания, мама. Я посвятил тебе десять фильмов и пять спектаклей. Я написал о тебе книгу, мама. Мне кажется, тебе всё равно. Почему ты никогда не высказывала своего мнения? Зачем ты всё время отсылала меня к папе?» А я скажу: «Дорогой, но я не хотела ничего решать за тебя! Я просто любила тебя, дорогой, а для советов у нас есть папа». А он скажет: «А на хрена мне папины советы, если я спрашивал тебя, мама? Я всю жизнь добиваюсь твоего внимания, мама. Я помешан на тебе, мама. Я готов отдать всё, лишь бы хоть раз, хоть раз понять, что ты думаешь обо мне. Своим молчанием, своей отстранённостью ты, ты, ты сломала мне жизнь» – и театрально закинет руку ко лбу. И тогда я встану, посмотрю на него внимательно и скажу: «Значит так. В мире есть два типа людей: одни живут, а вторые всё время чего-то ждут. И если ты этого не понимаешь, значит, ты идиот». Он скажет «ах» и упадёт в обморок. На психотерапию потребуется примерно пять лет.

Этот текст – хорошая профилактика нашего материнского перфекционизма – стремления быть идеальной мамой. Расслабьтесь! Как бы мы ни старались быть хорошими мамами, нашим детям всё равно будет что рассказать своему психотерапевту...» [6].

Заключительное утверждение в данном тексте отражает противоречивый, амбивалентный вывод. В умозаключении автора содержится субъективный аспект межличностного восприятия, выраженный в каузальной атрибуции, – приписывании и интерпретации матерью причин действий сына. В результате можно констатировать, что эта мама объясняет для себя причинно-следственные связи воспринимаемых отношений и своё собственное поведение в них с выходом за пределы «золотого правила» нравственности (как показатель соответствия или несоответствия действий моральным нормам) и оптимальной материнской родительской позиции (как показатель соответствия или несоответствия поступков ролевым ожиданиям). Подобный вывод порождает закономерный, познавательный вопрос: обозначенная причина – «как бы мы ни

старались быть хорошими мамами» и следствие – «нашим детям всё равно будет что рассказать своему психотерапевту» – это объективное отражение причинно-следственных связей, существующих в современных родительско-детских и детско-родительских взаимоотношениях, или нет?

Объективный аспект анализа причинно-следственных связей предполагает опору на закономерности: во-первых, одна и та же причина («как бы мы ни старались быть хорошими мамами») при разных условиях может вызвать различные последствия; значит, необходимо осмысление этого разнообразия условий. Во-вторых, анализируемое следствие («будет что рассказать своему психотерапевту») может быть вызвано различными причинами или быть результатом их совместного воздействия; следовательно, необходимо понимание совокупности возможных причин, находящихся в корне данного проблемного результата – нездорового последствия воспитания родителями своего сына.

В практическом плане, поскольку многие иррациональные феномены недоступны сознательной рефлексии, в данном случае востребовано целенаправленное применение матерью метода задавания себе вопросов «Почему?» до тех пор, пока она не достигнет до первопричины, из которой проистекают другие. В этом подходе есть природосообразная аналогия с образом сорняка: если вырвать только часть его корня, оставшаяся часть всё равно снова воспроизведёт сорняк; потому приходится «нырять в глубину, так как мы подходим к тёмной области» в целях осознания и управления «субъективными компонентами сознательных функций» [7, с. 41]. Юнг К. предупреждает, что подобные размышления человек предпочитает оставлять в тени, поскольку они весьма болезненны, и дополняет, что это помогает ему «утверждать собственную невинность, честность и прямоту» [7, с. 42]. Однако в аналитических целях, для выявления психологических механизмов реализации материнской родительской позиции, нам придётся заглянуть в тeneвую, иррациональную, бессознательную глубину противоречивой, конфликтогенной установки матери *«как бы мы ни старались быть хорошими мамами, нашим детям всё равно будет что рассказать своему психотерапевту»*, то есть «я – ОК, ты – не ОК» (по Т. Харрису). Согласно ана-

литической психологии «тень – это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием; её содержание включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам» [5, с. 94].

На наш взгляд, раскрытие теневой стороны образа матери, описанного С. Хмель, читателям в подтексте сообщает следующее: «У меня надутые губы. Я – мама поколения Y с перстнем на большом или указательном пальце. Я домохозяйка и мне всё г...равно, кем станет мой сын. Я же хозяйка дома, а не профориентатор-образец. Трудоголизм – это тупо! И Яжемать; вот моя заготовленная формула общения с сыном: «Значит так. В мире есть два типа людей: одни живут, а вторые всё время жалуются (есть другие глаголы). И, если ты этого не понимаешь, значит, ты идиот». В его тридцатилетнем, лысеющем возрасте эта формула даст мне гарантированный результат: «Он скажет «ох» или «ах» и упадёт в обморок. На психотерапию потребуется примерно пять лет». Уловили? Я работаю на психотерапию моего сына, непременно лысеющего – плешь проела... И если бы я всё же кем-нибудь работала, то непременно психотерапевтом, ха-ха. Расслабьтесь!»

Так, осмысление имплицитной, теневой стороны анализируемой неоптимальной родительской позиции позволяет нам сформулировать рекомендации для этой матери. Работать психотерапевтом с непроработанными манипулятивными и провокативными, в целом, деструктивными и профессионально нецелесообразными установками, естественно, не стоит. Но работать над собой – ценно и необходимо: во-первых, в направлении адекватности, гибкости, прогностичности оптимальной материнской родительской позиции, во-вторых, трансформации дисгармоничных, неэффективных стилей родительского воспитания в гармоничный и эффективный стиль.

Основные стили семейного воспитания в психологии – авторитарный, попустительский, гиперопекающий, отчуждённый, хаотический, демократический. Стиль родительского (семейного) воспитания подразумевает способ отношений родителей к ребёнку, применение ими определённых приёмов и мето-

дов воздействия на ребёнка, выражающиеся в своеобразной манере словесного обращения и взаимодействия с ребёнком. В представлениях матери, описанной С. Хмель, сын Владик и попустительский, и авторитарный, и отчуждённый стили родительского воспитания воспринимает одинаково – проблематично, завершая общение с мамой обмороком и необходимостью в длительной психотерапии. Складывается впечатление, что при любом варианте жизненного сценария он неудачник или побеждённый, но не победитель. На самом деле, требуется благоприятное условие – демократический стиль родительского (материнского и отцовского) воспитания с положительным эмоциональным отношением к Владик, Владиславу, выражающимся в симпатии, уважении, близости (по А. Спиваковской) как наиболее эффективный для развития его здоровьесформирующей и здоровьесберегающей, успешной и зрелой установки «я – ОК, ты – ОК».

В анализируемом тексте с тремя воображаемыми сценариями игровых, а не реальных отношений мамы с Владиком (к которому она заботливо, либо пренебрежительно, либо амбивалентно обратилась дважды «милый» и пять раз «дорогой»), видно, что непроработанной для матери была именно конструктивная задача вырастить сына с гармоничной жизненной установкой «Я хороший и все хорошие». Ей сложно представить сценарий воспитания сына, не желающего исполнять по жизни роль «Жертвы» (по С. Карпману). И, как подтверждает жизненная практика многих людей, поведение жертвы с привычкой искать виноватых в собственных неудачах вырастает из родительско-детских отношений. Следовательно, если бы мама своевременно проработала эту задачу (вместе с папой как формирование согласованности родительских позиций), то не было бы обязательной необходимости их тридцатилетнему сыну обращаться за помощью к психотерапевту.

В целом, родителям необходимо понимать, что от матери-отца востребовано осознание, а не отрицание объективных причинно-следственных связей, лежащих в основе взаимосвязи родительско-детских и детско-родительских отношений: вторые вытекают из первых, детерминируя их качество. Как аукнет-

ся, так и откликнется. По сути, это не отношения, а взаимоотношения, похожие на рукопожатие, или на улицу с двусторонним движением. Адекватность родительских позиций как соответствие социальной ситуации развития и позитивному восприятию взрослеющего ребёнка, также социальным, воспитательным ролям отца и матери определяет их эффективность, которая успешно реализуется в гармоничных семьях с высоким воспитательным потенциалом.

Сложившийся стереотип каузальной атрибуции «как бы мы ни старались быть хорошими мамами, нашим детям всё равно будет что рассказать своему психотерапевту», описанный С. Хмель, отражён и в «Письме дочери» А. Датешидзе, однако в более зрелом контексте персональной ответственности за последствия её воспитания: «Как бы я ни старалась, тебе всё равно будет с чем пойти к психотерапевту» [2].

«Привет, дорогая! Едва ли я смогу описать словами мои чувства к тебе. Если бы я могла родить тебя ещё раз, я бы это сделала. Но и тогда останется внутри меня что-то невыразимое, непознаваемое, сакральное, что можно только лишь прожить или выплакать. Эти слёзы – счастливая возможность увидеть и полюбить в мире кого-то кроме себя.

При всей её силе моя любовь к тебе – всего лишь предтеча той большой любви, которая случится у тебя со всем миром. Потому что мир больше, чем мать, а мать – всего лишь часть мира и одна из круга близких людей. Я молюсь, чтобы кроме меня в твоей жизни было много матерей и отцов, которые смогут полюбить тебя так, как не смогла я. Пускай они многое сделают лучше меня, правильнее и мудрее. Пожалуйста, позволь миру добаюкать и доцеловать тебя. Только прошу, научись различать объятия дающие и забирающие. Даже если это мои.

Знай, я могу рулить не туда. Остаётся молиться о том, чтобы ты как можно раньше научилась поверять моё направление своим внутренним компасом. Когда ты меня не слушаешь, часть меня радуется. Рано или поздно ты поймёшь, что у меня нет всех ответов. Иногда я принимаю непопулярные решения и буду принимать их дальше. Не пущу гулять, выну конфету изо рта, запрещу, застав-

лю, остановлю. Я люблю тебя, но я не обязана тебе нравиться. Смысл любви не в этом. Кстати, мои ошибки могут быть укрыты под благие намерения. А забота иногда будет выглядеть жестоко. *Как бы я ни старалась, тебе всё равно будет с чем пойти к психотерапевту.*

Знай, ты не виновата ни в одной моей беде. Живи, как хочешь, даже если мне это не нравится. Когда-нибудь мои силы кончатся, но это не потому, что ты меня не слушаешь, а потому, что придёт моё время. При всей моей нежности к тебе ты не являешься смыслом моей жизни. А я не составляю смысл твоей. Сначала тебе трудно будет это принять, но потом ты будешь благодарна. Хотя как я могу решать, за что тебе быть благодарной, а за что нет?

Будет много подводных камней, которые получены от моей матери. Приготовься, я брошу их в твою реку. Но лишь те, которые моя река не смогла обкатать. Я молюсь, чтобы ты когда-нибудь поняла меня. Не потому, что я хочу быть понятой, а потому, что это будет означать, что ты и правда выросла. Твоё восхищение мной, как и твоя великая ненависть ко мне, временны. Когда-нибудь ты увидишь меня целиком, и мы, возможно, подружимся. Я буду той крутой горой, на которую ты сможешь опереться. Той стеной, в которую можно стукнуть кулаком. Но вершина моей горы будет подножием твоей. Я хочу, чтобы ты видела меня злой, похотливой, спокойной или грустной. Обиженной, виноватой, неловкой, влюблённой и, конечно же, самой обычной. Я хочу на своём примере разрешить тебе быть настоящей. Молюсь, чтобы в самый тёмный час у нас хватило мудрости сказать: «Давай попробуем ещё раз». И попробовать. И ещё многое я не смогу выразить. Многое останется в той глубине, на которую я не способна нырнуть, а ты способна. Удачи. Люблю тебя, как умею, ну ты знаешь. Мама А.» [2].

В данной статье мы не ставили цель подробного контент-анализа этого текста; ограничимся актуализацией рефлексивной деятельности у реальных и потенциальных родителей на основе вопросов, которые способны развивать и совершенствовать их осознанность и понимание происходящего, в том числе в сфере материнства и отцовства. Например: какой «продукт» производит мои

тревоги и беспокойства? Что они вносят в разные области моей жизни? Где, я чувствую, что застрял (-а) в своём движении? Что мне мешает? Какие силы и способности мне нужны, чтобы стать более честным с собой и другими? С чем мне сейчас необходимо разобраться в первую очередь? Какие решения нужно принять? Какие условия мне необходимы, чтобы принять правильное решение? Чему мне сейчас более всего необходимо научиться? Какие перемены грядут в моей жизни? Как я их распознаю? Как они повлияют на моих детей? [3]

Выводы:

– метод контент-анализа может применяться в современном образовательном процессе в целях содействия поэтапному формированию и развитию адекватных материнских, отцовских позиций у родителей обучающихся на основе таких форм психолого-педагогического сопровождения, как профилактика, просвещение, консультирование, коррекционная работа, развивающая работа;

– методами профилактической работы с родителями обучающихся (особенно с девиантными проявлениями в поведении) могут являться тематические тренинги с педагогом-психологом, тематические родительские собрания с приглашением сотрудников МВД, ФСБ, специалистов из наркологического диспансера, др. и также организация системной работы на всех уровнях образовательной организации – от администрации до педагогов;

– осознание родителями причинно-следственных связей, находящихся в основе эффективных и неэффективных родительско-детских, детско-родительских взаимоотношений, обеспечивается профессиональной деятельностью квалифицированных специалистов психолого-педагогического сопровождения: педагога-психолога, учителя-логопеда, учителя-дефектолога, тьютора, социального педагога;

– два кейса, отражённые в публикациях С. Хмель, А. Датешидзе, могут являться действенными примерами для минимизации деструктивных проявлений неэффективных стилей семейного воспитания и неоптимальных родительских позиций у современных матерей, отцов.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с.

2. Датешидзе А. Письмо дочери [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-65362391_71692 (дата обращения: 14.06.2024).

3. Коннер Д. Вопросы себе: конструктивные и неконструктивные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://writing-cures.livejournal.com/84794.html> (дата обращения: 14.06.2024).

4. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья / А.С. Спиваковская. – Т. 2. – М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.

5. Фрейджер Р. Личность: теории, эксперименты, упражнения / Р. Фрейджер, Д. Фейдимен. – СПб.: Прайм-Еврознак; Нева, М.: Олма-Пресс, 2001. – 864 с.

6. Хмель С. Расслабьтесь! Как бы мы ни старались, нашим детям все равно будет что рассказать психотерапевту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lifedeeper.com/post/6812-rasslabtes-kak-by-my-ne-staralis-nashim-detyam-vse-ravno-budet-что-rasskazat-psihoterapevtu/> (дата обращения: 14.06.2024).

7. Юнг К.Г. Аналитическая психология: её теория и практика. Тавистокские лекции. Глоссарий / К.Г. Юнг. – СПб.: Б.С.К., 1998. – 211 с.